

ПРИЛОЖЕНИЕ

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ РАННИХ ЛЕТ
(1886 — 1892)

〈ПЕСНЯ ЖАВОРОНКА〉

Предисловие А. С. Логвинова

Вспоминая начало литературной деятельности писателя, В. Н. Бунина сообщает: «Первый рассказ „Нефедка“ был помещен в „Родине“, как и „Два странника“ в 1887 и 1888 годах» («Жизнь Бунина», стр. 47). Но пробовать свои силы в прозе Бунин начал гораздо раньше. Осенью 1886 г. он приступил к работе над повестью «Увлечение» (Г о л ь д и н, стр. 15—16).

Лирический набросок, публикуемый под условным названием «Песня жаворонка», — еще одна из таких ранних попыток молодого автора художественно выразить свои чувства и переживания в прозе.

В некоторых местах набросок напоминает отдельные картины из «Жизни Арсеньева», написанные, естественно, с неизмеримо большим мастерством. Так строчкам: «Мы жили на краю большого села. От нашего домика уходили вдаль нивы...» — соответствует в «Жизни Арсеньева» развернутая картина: «Пустынные поля, одинокая усадьба среди них... И вечная тишина этих полей, их загадочное молчание... Но грустит ли в тишине, в глуши какой-нибудь сурок, жаворонок? Нет, они ни о чем не спрашивают, ничему не дивятся, не чувствуют той сокровенной души, которая всегда чудится человеческой душе в мире, окружающем ее, не знают ни зова пространств, ни бега времени. А я уже и тогда знал все это. Глубина неба, даль полей говорили мне о чем-то ином, как бы существующем помимо их, вызывали мечту и тоску о чем-то мне недостающем, трогали непонятой любовью и нежностью неизвестно к кому и чему...» (Собр. соч. 1965—1967, т. 6, стр. 9).

А овраги, в которые сходил он в жаркий полдень и там «разгоряченным лицом ложился на холодную траву», напоминают нам «Провал», который «был дальше, за ригой, за гумном, за обвалившимся овином, за просыпным полем» и который для Алеши Арсеньева был «самым глухим» «из всех глухих мест на свете. Какая благословенная пустыньность! Казалось, сидел бы в этой лощине весь век, кого-то любя и кого-то жалея» (там же, стр. 21).

В отличие от повести «Увлечение» и ряда других ранних произведений писателя, написанных в плане объективного повествования, 〈Песня жаворонка〉, так же как и публикуемый ниже фрагмент «Свет жизни», выполнена в лирической манере — той манере, которая проявится у Бунина наиболее полно в 1900-е годы и станет характерной чертой его реализма.

Я помню себя еще маленьким мальчиком, когда я услышал песенку жаворонка. Это было весеннею зарею, когда в небе одна за другою гасли * серебряные звезды.

Мы жили на краю большого села, от нашего домика уходили в даль нивы, а с другой стороны в темных оврагах распевали весною потоки, падая с уступа на уступ и ** разбегаясь по голышам. Сочная молодая травка вырастала в мае на этих уступах, и я помню, как часто я сходил в жаркий полдень на эти лужки и разгоряченным лицом ложился на холодную траву...

Но слушайте дальше.

Долго я сидел взаперти зимою в домике, про ***

И вот наконец пришла весна. Я стал гулять по проталинам в саду. Дни были теплые, влажные. Вон за оврагом от оттаявшей земли всходит пар. Земля отходила, и далеко по лугам весь день стояли туманы.

* Зачеркнуто: золотые и

** Зачеркнуто: тонкими струйками пробираясь

*** Лист оборван.

А петухи распевали во все горло, оглашая село своими криками, воробьи, как сумасшедшие, трещали по голым кустам калины и смородины.

Весело было мне смотреть, как первая муха забилась у нас между рамами и солнце забрасывало теплый луч в комнаты. Под окнами у нас стояли лужи воды, и когда солнечный день играл на них, они трепегали, дрожали и сверкали, как расплавленное золото, и на потолке нашей комнаты отражалась та же лужа и так же дрожала и сверкала она.

И вот в это-то время я услышал жаворонка.

Помню, после теплого светлого дня наступила ночь, погасла вечерняя заря, но долго не смолкали грачи в ближней березовой роще и, когда наконец замолкли они, глухо было слышно, как шумели потоки, словно кто лил из ушата в кадку воду, как шуршал порою обваливающийся снег. Я долго не спал, долго лежал с открытыми глазами в своей комнате. В моей детской голове связывались разные фантастичные мечты, наконец я стал уже забываться, когда часы пробили три раза. Звуки эти заставили меня опять очнуться. Я полежал еще несколько времени, и в голову мне пришла мысль, — не спать до утра, видеть, как поднимается солнце.

«Должно быть, недалеко до зари», — подумал я и взглянул на небо через окно. Но небо было еще темно. И какая-то большая звезда голубым блеском мерцала через стекло. Я подумал, как должно быть хорошо теперь на дворе и решился одеться и выйти.

Робко я пробрался по темным комнатам и вышел из гостиной с балкона в сад. Сад выходил в поля. Я долго гулял по ним, сначала с непопным замиранием сердца, а потом смелее. Я слышал шум воды, слышал, как в темных кустах что-то копошилось и пищало. Я останавливался, закидывал голову* и долго смотрел в глубину неба, и мне казалось, что мириады звезд словно были развешаны в темно-синем пространстве. И тогда-то, может быть в первый раз, пробудилось во мне смутное чувство трепета и благоговения перед творцом миров, благословляющим свои создания и распускающим над землею свой милостивый, божественный покров...

А между тем далекий край неба уже начал бледнеть. Тихо приближалась весенняя заря, и жизнь начала прорываться. Где-то далеко на деревне закричал петух, за ним другой, третий... Воробей сквозь утренний чуткий сон чирикнул в кустах. Ветерок шевельнул деревья и стих... прозвенел вдалеке на поле бубенчик на жеребенке, должно в ночном, и замер.

Все опять замолкло... Тихо стало на земле и на небе, затихла природа, затмила дыхание в ожидании дня.

И я услышал, как с опушки сада вспорхнула птичка. Скоро в утреннем чистом воздухе раздались звонкие трели жаворонка и с тех пор остались на всю, кажется, жизнь в душе.

Мне показалось, что смолк глухой ропот потоков и все стало внимать тихо-звонким трелям. И на эту песнь отозвалась моя чуткая детская душа. Я, помню, прислушивался, прислушивался и непонятная тихая грусть овладела мною. У меня покатались слезы. Я хорошо чувствую и сейчас эти моменты в то время, когда я сосредотачиваюсь и на минуту забываю бедную жизнь мою, отдаваясь прошлому.

А жаворонек шел, и мне казалось, что он рассказывает что-то ангелам, которые глядели на землю своими кроткими очами; жаворонку видит, думал я, вон тот луч, наполненный утренним туманом, видит, быть может, меня и поет свою тихую песенку. О чем он поет? Его грудь, может, трепещет от наслаждения, что он дрожит в темном весеннем воздухе. Он видит, как спит бедный труженик, он слышит голоса пробуждающейся природы...

Нет! ничего нету милее песни жаворонка. Соловьиная голосистая песня торжественна и звучит любовью страстною и кипучею. Трель жаворонка звонкая, и что хранится в тайниках наших душ, что хранится там самого лучшего, откликается на нее. И теперь, когда я уже вступил в жизнь, когда она уже успела наложить на

* Зачеркнуто: на спине

МОКРЫЙ ЛУГ

Картина маслом Ф. А. Васильева, 1870

Третьяковская галерея, Москва

меня свою грубую ладонь, воспоминание о весенней заре, чистой, как божий ангел, воспоминание о песенке жаворонка возвращает душе моей чистоту и невинность...

А жаворонок долго пел, пел, пока выплыло солнце, когда веселее взглянул мир божий, и опять полые воды еще сильнее разыгрались на лугах*.

1887

Беловой автограф с авторской правкой (без заглавия): ГМТ, № 966, л. 1—4. Дата и подпись: «Пис. 1887 года. Ив. Бунин». Лист первый поврежден—верхняя часть его оторвана.

Впервые отрывки из этого наброска приведены в статье: Г о л ь д и н, стр. 4.

СВЕТ ЖИЗНИ

Сказка

Предисловие Л. Н. Афонина

Произведение, несомненно, автобиографическое, «Свет жизни» по своему содержанию и стилю близок к публикуемой выше «Песне жаворонка», открывая интеллектуально богатый, озаренный поэтическими переживаниями мир будущего писателя. Эта «сказка» — свидетельство того, что уже в самом начале творческого пути Бунина волновала проблема «рождения художника», которой впоследствии был посвящен роман «Жизнь Арсеньева». Интересен этот фрагмент и чисто фактическими сведениями: он расширяет наше представление о круге чтения юного Бунина, вводя в число его любимых поэтов имена Гейне и Теннисона.

Впервые сведения об этом этюде приведены в статье: Г о л ь д и н, стр. 4 и 7.

* Далее в автографе зачеркнуто: Эта песнь связалась с моею душою. Когда порою горе подойдет ко мне, я вспоминаю песню жаворонка, и мне станет легче. Тяжелая тоска сменяется тихой грустью. Я плачу тогда, и в сердце у меня звучит трель птички.

Вспоминается мне село, сады, поля, овраги и весенние потоки, которые играли и шумели в них, падая с уступа на уступ...